

“ОЧАКОВСКОЕ ДЕЛО”. АНГЛО-РОССИЙСКИЙ КОНФЛИКТ 1791 ГОДА

Острый дипломатический конфликт, поводом для которого стал категорический отказ России уступить требованиям держав – участниц Тройственного союза (Англии, Пруссии и Голландии) – заключить мир с Турцией, возвратив крепость Очаков и земли между Бугом и Дniestром, которые были заняты во время второй русско-турецкой войны, едва не привел весной 1791 г. к открытому вооруженному столкновению России с Англией и Пруссией. Историки признают, что “очаковское дело” знаменовало собой важный переломный момент в истории восточного вопроса, когда Великобритания впервые активно вмешалась в него¹. Это мнение разделяют и западные исследователи. С. Эйлинг писал о раздумьях британского премьера У. Питта-младшего: “Падет ли Турция, как пала Польша? Если Россия захватит Константинополь, будет ли это угрозой для торговли Великобритании? В этом суть восточного вопроса, беспокоившего Англию на протяжении более чем ста последующих лет”². В “классический век” британской дипломатии – с 1812 г., когда Кэстлри стал государственным секретарем, и до смерти Пальмерстона в 1865 г. – все английские политики, которые решали восточный вопрос, называли себя наследниками Пигга³.

Действительно, проблемы, связанные с восточным вопросом, в XIX в. в немалой степени осложняли англо-русские отношения. По заключению Дж. Эрмана, авторитетного биографа Питта-младшего, Очаков можно рассматривать как начало восточного вопроса для Англии. Единственное серьезное отличие от XVIII в. он видел в том, что российская угроза Турецкой империи еще не воспринималась британскими стратегами как угроза Индии⁴. И. Эванс акцентировал внимание на том, что во время кризиса 1791 г. впервые в полной мере проявился страх перед российским экспансионизмом⁵.

Обращение к событиям “времен очаковских и покоренья Крыма” порождает немало вопросов. Один из главных касается мотивов действий Питта. Почему этот политик, столь известный своей осторожностью и тщательной проработкой решений, легко пошел на конfrontацию, поводом для которой стала крепость, о месторасположении которой большинство политических деятелей Англии имело тогда лишь смутное представление? Почему он отступил, хотя не все средства для привлечения общественного мнения на свою сторону были им исчерпаны? В советской историографии высказывалось мнение, что Питт-младший – “выразитель агрессивных настроений английской буржуазии” – заведомо лукавил, когда говорил о захватнических планах России в отношении Константинополя, ее видах на Египет и об угрозе Индии. В то же время “попытка английского правительства объявить войну России и принудить ее к заключению мира на условиях *status quo* встретила противодействие со стороны самой английской буржуазии”⁶. Подобные рассуждения представляются сегодня абстрактной схемой. Актуальна другая проблема, являющаяся дискуссионной в современной зарубежной историографии: какую роль играло для принятия политических решений в конце XVIII в. общественное мнение?

Интересный, хотя и спорный аспект в истории “очаковского дела” связан с ролью Пруссии. Дипломатический кризис 1791 г. часто рассматривается как кризис в англо-

* Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета.

Автор выражает признательность Британской академии наук за предоставление гранта, позволившего собрать материал для этой статьи.

ских отношениях. Между тем не совсем понятно, в какой степени два главных союзника – Единственному союзу – Англия и Пруссия – взаимодействовали по "очаковскому делу", поскольку на Питта давила прусская дипломатия. В зарубежной историографии утвердилось мнение, что Питт действовал под непосредственным влиянием британского посла в Берлине Дж. Эварта, имевшего самые тесные контакты с прусским двором и считавшего главной задачей остановить Россию на юге. Роль Эварта не сле-¹²пала преувеличить, однако не меньшую роль в раздувании этого конфликта сыграл и британский посланик в Петербурге Ч. Уитворт.

В литературе также слабо разработан вопрос о разногласиях в русских политических кругах, имевших место в связи с враждебной позицией Англии. Исследователи придают положительную роль в разрешении конфликта российского посла в Лондоне С.Р. Воронцова, последовательно придерживавшегося твердой линии. Один из отечественных авторов отмечает, что Питт "именно в действиях русского посла видел одну из основных причин этого провала и грозил в будущем избавиться от неугодного дипломата". Между тем, по имеющимся в источниках сведениям, можно предположить, что в российской столице существовали разные мнения, и это обстоятельство нельзя игнорировать в истории очаковского кризиса.

В британской либеральной историографии XIX в. внешняя политика Англии представлена в идеализированном виде: она-де направлялась стремлением сохранить баланс сил в Европе и в мире и предотвратить войну. Очаковский кризис, следовательно, был продукцией захватнической политикой русского царизма. Позднее в эту концепцию были внесены корректировки. И под влиянием "экономических подходов", господствовавших в западной историографии вплоть до 1960-х гг., некоторые историки акцентировали внимание не только на российской агрессии в Причерноморье, но и на собственных экономических и колониальных интересах Великобритании. Тогда в историографии говорилось, что перелом в ходе кризиса был предопределен общественным мнением, которое не поддержало линию на войну с Россией, в частности в связи с глубокой заинтересованностью в сохранении с ней торговых отношений. Так, биограф главного лидера парламентской оппозиции Ч. Фокса Ч. Хобхаус отмечал "чудесную революцию" в общественном мнении: "Вся страна, от Питта до самых низов, за одну ночь, осознав, что Фокс был прав и предложение Питта было одной из кардинальных ошибок во внешней политике – он угрожал в ситуации, когда угроза была невыполнима".

В новейшей зарубежной историографии усилилась тенденция к пересмотру устоявшихся представлений об "очаковском деле". В частности, больше внимания уделяется объективным и случайным моментам в развитии кризиса. О Питте предпочитают говорить не как о выражителе чьих-то интересов и проводнике последовательной политики, а как о деятеле, переоценившем степень собственного политического влияния. Г. Эрман отмечает, что его поведение отражало внушенную Эвартом уверенность в том, что именно твердая позиция Англии принесет успех⁹. Исследователь Р. Рейли объясняет провал политики Питта в Причерноморье его сверхоптимизмом, временами переходящим в самонадеянность, и неумением реагировать на изменение обстоятельств¹⁰. Джеррит предостерегает от того, чтобы воспринимать У. Питта как руководителя, создавшего строившую новую политику на Востоке: "В ретроспективе историки прощают Питта государственным деятелем, который впервые увидел ту форму, которую приобрел восточный вопрос в XIX в., но он представляется скорее игроком, расставшим на свою удачу, чем пророком будущего"¹¹.

Так, Глэк объясняет провал Питта двумя важными обстоятельствами. Во-первых, к сожалению для него, кризис совпал с парламентской сессией, и именно это вынудило Питта вступить в конфликт с внутреннополитическим давлением. Во-вторых, британская английская нация в конце XVIII в., в отличие от времен Петра I, привыкла к мысли о том, что Россия доминирует в Восточной Европе, а ее основные соперницы – Швеция, Пруссия и Франция воспринимались как верные союзницы главного и исконного врага – Франции.

Более традиционный подход с акцентом на дипломатические аспекты кризиса присущ работе американского историка П. Шредера "Трансформация европейской политики". Автор замечает, что колебания в политике Питта во время кризиса во многом объясняются коммерческими и стратегическими соображениями. Сыграли свою роль отказ России возобновить выгодный для Англии торговый договор между двумя странами, опасение в отношении возможного франко-российского сближения. П. Шредер пишет о позиции различных европейских держав: "Стратегия Великобритании провалилась не потому, что сильной была оппозиция внутри страны и британский флот не мог действовать против России эффективно, но потому, что Британия, как оказалось, не способна сделать то, к чему стремились Эварт и Питт, – использовать различные страны континента (Пруссию, Голландию, Польшу, Швецию, Турцию, Данию и, как надеялись, Австрию), чтобы привести Россию в чувство"¹².

В большинстве работ отечественных историков о международных отношениях и внешней политике России в ту эпоху об очаковском кризисе упоминается лишь вскользь. В дореволюционный период об этом эпизоде в развитии международных отношений наиболее подробно писал А.Г. Брикнер¹³. Изучив "Архив князя Воронцова", он отводил С.В. Воронцову главную роль в дипломатической победе России. Советская историография очаковского кризиса скучна. Основную причину этого можно видеть в тенденции к игнорированию успехов екатерининского царствования, особенно в сфере внешней политики. Работам советского времени были присущи некоторые общие черты. Во-первых, при описании англо-русских отношений в XVIII в. доминировал тезис об остроте противоречий между двумя странами, о нарастании враждебности между ними. Очаковский кризис, казалось, служил весомым аргументом в пользу этого рассуждения. Во-вторых, советские историки делали упор на экономические интересы английской буржуазии, т.е. подчеркивали экономический фактор как ведущий в объяснении данной дипломатической ситуации. Так, Н.С. Бабинцева отмечала противодействие политике Питта со стороны торговых кругов, нежелание английской буржуазии нести дополнительные расходы и потери¹⁴. В-третьих, говоря о советской историографии "очаковского дела", нельзя игнорировать дискуссию более общего плана, истоки которой восходят к сталинской ревизии марксистских подходов к оценке имперской политики России в XVIII в. и позднее. В результате оценки этой политики в советской историографии колебались от имперской и захватнической до прогрессивной и патриотичной. При этом неизбежно затрагивался так называемый "греческий проект" Екатерины II. А.М. Станиславская и И.С. Достян видели в нем определенную политическую реальность. Напротив, О.П. Маркова отмечала "рекламное эллиофильство Екатерины"¹⁵. Между тем намерения Екатерины в отношении Константиноополя – это часть вопроса об истоках очаковского кризиса.

В новейшей историографии тема царствования Екатерины II – одна из самых популярных, хотя представляется, что именно в изучении внешней политики России того времени наша историческая наука пока еще не слишком продвинулась вперед. В статье О.И. Елисеевой главный предмет изучения не дипломатическая борьба как таковая, а отношения Екатерины и Г.А. Потемкина, и в той части работы, где затрагивается "очаковское дело", оценки его стандартны¹⁶. Тезис о том, что во время очаковской операции Потемкин превзошел Екатерину в тонкостях политической игры, в статье не обоснован.

Особенность предлагаемой вниманию читателя работы состоит в том, что наряду с источниками, которые традиционно использовались при изучении очаковского кризиса в отечественной историографии (в том числе документы АВП РИ, архив Воронцова, записки современников и др.), широко привлечены документы британского происхождения. К ним относятся материалы о парламентских дебатах, которые дают возможность глубже разобраться в природе факторов, влиявших на развитие кризиса, но прежде всего – это архивные документы Британского Публичного архива (PRO). При подготовке статьи использованы фонды, в которых содержатся британская дипломатическая переписка, прежде всего переписка между Лондоном и его представителем в

Петербург Ч. Уитвортом и специальным посланником Фауленером. Кроме того, важное значение имели материалы дипломатической переписки с Гаагой (lord Оуклэнд), Австрией (lord Эшжив), Константинополем (Эйнсли) и особенно письма Эварта Питт-и из Бата, Лондона (Эварт находился в Англии в конце 1790 г.) и Берлина. В Публичном архиве имеется подборка наиболее ценных официальных дипломатических документов, относящихся к истории развития кризиса, а также другие важные источники, например письмо герцога Лисса по поводу его отставки в апреле 1791 г.

* * *

В августе 1787 г. Турция объявила России войну. Это решение было вызвано страхом перед российской экспансии, одним из проявлений которой явилось присоединение Крыма в 1783 г. Россию связывали союзнические отношения с Австрией, а Франция в условиях внутреннего кризиса и неудач в Нидерландах не могла вмешаться в новый русско-турецкий конфликт. Для России война началась скорее неудачно, и единственным успехом на ее начальном этапе было взятие крепости Очаков в декабре 1788 г. К 1789 г. Россия воевала со Швецией на севере и Турцией на юге и находилась в непримиримых отношениях с Пруссией в связи с противоречиями в Польше. Что касается Великобритании, то она все более склонялась от нейтралитета к недружественной по отношению к России политике.

Мирные переговоры в начале 1789 г., во время которых Россия настаивала на сопранении за собой Очакова, а Австрия – крепости Хотин, провалились: новый султан Селим III желал продолжить войну. Когда война возобновилась, австрийцы взяли Белград и Бухарест, а Потемкин одержал ряд побед в Приднестровье. План урегулирования, выдвинутый прусским министром иностранных дел графом Герцбергом, не мог увенчаться ни одну из сторон. Он предполагал ограничить завоевания России Крымом, Очаковом и Бессарабией; Австрии передавалась Молдавия и Валахия, за что она должна была выплатить Польше Галицию, а благодарная Польша передавала Пруссии Гданьск и Горум. С такими предложениями Герцберг выступил, когда положение Австрийской империи серьезно осложнилось. В июне 1789 г. в Австрийских Нидерландах вспыхнуло восстание. В январе 1790 г. инсургенты провозгласили создание Соединенных Провинций Бельгии. Тогда же обострилась борьба в Венгрии, росло недовольство в Богемии, Галиции, итальянских провинциях. Монархия Габсбургов вступила в один из самых тяжелых периодов своей истории. Даже англичане считали предложения Герцберга несостоявшимися. В ноябре 1790 г. Эварт писал Питту: "Нет необходимости доказывать абсолютность плана, который является слишком искусственным, чтобы быть воплощенным на практике, а также указывать на пагубные последствия, которые подобная идея имела не только в Польше, где она грозит полностью подорвать прусское влияние и довести к берлинскому двору в целом"¹⁸.

В Вене преобладали панические настроения. Канцлер Кауниц настаивал на проведении второй политики. Император Иосиф II уговаривал Екатерину искать пути для примирения с Турцией, на что та ответила предложением начать наступательную войну против Пруссии. Возможно, Иосиф II мог последовать этому совету, но он скончался в январе 1790 г. Императорский престол занял его брат Леопольд II, осторожный и консервативный политик. Он был убежден, что для спасения империи нужен мир, и не сочпался действовать по указке Екатерины. В июле 1790 г. Пруссия и Австрия заключили конвенцию в Рейхенбахе, согласно которой Австрия обязалась заключить мир с Турцией по условиям мира без территориальных приобретений. В историографии существуют различные оценки политики Леопольда II. По мнению П. Шредера, для Австрии "это было по юридым отступлением, а по сути – счастливым избавлением"¹⁹. Тем не менее приходится согласиться с теми, кто отмечает, как это делает У. Федер, что Рейхенбахская конвенция нанесла тяжелый удар по русско-австрийскому союзу²⁰.

Если Рейхенбахская конвенция для Австрии, возможно, была спасением, то для Польши стала скорее катастрофой. Еще летом 1788 г. после отказа Екатерины под-

держать короля Станислава-Августа в требовании укрепить его власть сторонники реформ в Польше устремили свои взоры на Пруссию. В Копенгагене английские и прусские дипломаты делали все, чтобы не допустить вступления Дании в войну на стороне России; контроль над Зундом имел исключительное стратегическое значение в случае англо-русской войны. В Стокгольме они стремились убедить Густава III присоединиться к Тройственному союзу.

На фоне этих международных коллизий на протяжении всего 1790 г. напряженность в англо-русских отношениях нарастала. В английских дипломатических кругах определенно существовало убеждение, что единственный шанс приостановить российскую экспансию и заставить Екатерину II согласиться на мир без аннексий – это проведение твердой политики. Постепенно усиливаясь и уверенность в том, что, несмотря на военные успехи, под мощным дипломатическим давлением императрица будет вынуждена отступить. Показательно, как отразились эти настроения в переписке Уитвorta с Лондоном. Разделяя мнение, что вести себя с российским двором следует жестко, он оправдывал это прежними российскими мерами вооруженного нейтралитета. 29 января 1790 г. Уитворт писал: "Я прекрасно понимаю огромное нежелание его величества (Георга III. – А.С.) втягиваться в это дело, и возможно, мысль о применении того, что может быть истолковано как наступательное действие против страны, которую всегда считали естественным союзником, заставляет некоторых отвергать такую меру, но если мы посмотрим на поведение этого двора не более, чем десять лет тому назад, когда из-за пустяков они разбили нашу дружбу, и вспомним, в какой форме это происходило, все сомнения, вытекающие из подобных соображений, будут отброшены"²¹. Донесения Уитвorta, последовательно настаивавшего на проведении в отношении России политики угроз и "балансирования на грани войны", вносили немалую лепту в усиление противостояния. Его позиция была близка к правительственной. В инструкциях послу в Турции Р. Эйнсли, полученных им летом 1790 г., говорилось: "Надежда на то, что удастся остановить эту войну или предотвратить ее иным способом, кроме всеобщего вооружения, невелика"²². Вместе с тем английское правительство было вынуждено проявлять осторожность в связи с начавшимся Нутка-Зундским кризисом в отношениях с Испанией. Информацию об угрозе войны с Испанией Уитворт получил в мае 1790 г.

Воинственные настроения по отношению к России сочетались в донесениях Уитвorta с надеждой, что та вот-вот будет вынуждена отступить. Это связывалось не только со сложным международным положением России, но и с действительными или мнимыми внутриполитическими проблемами. Так, 16 августа 1790 г. он доносил в Лондон, что императрица решила заключить мир, и Потемкину отосланы соответствующие инструкции. Он писал: "Среди других мотивов, которые должны заставить ее императорское величество задуматься о мире, есть один, который не может не воздействовать. Дух реформ, который, как кажется, столь быстро распространяется в других частях Европы и в некоторых из них привел к таким эксцессам, проявился даже и здесь. Когда в других странах власть и порядок поколебались, в России появилась свобода слова, о которой прежде не слыхали, и вышли публикации пасквилей (естественное последствие подобной свободы). Два или три, направленные против монархии и ее управления, появились недавно"²³. Уитворт отмечал, что один из авторов, таможенный чиновник (имя в депеше не названо), пользуется покровительством Воронцова и Дацковой. Очевидно, речь идет о А.Н. Радищеве и его "Путешествии из Петербурга в Москву".

И все же до начала 1791 г. Великобритания не шла дальше предупреждений, требований и других способов дипломатического давления. В автобиографии С.Р. Воронцова есть интересная фраза относительно действий союзников в Константинополе и Стокгольме, "что имело последствием Турецкую и Шведскую войны. Последняя прекратилась по недостатку денег, ибо скопость г. Питта и Берлинского двора вместе с истощением французских финансов (которое было причиной открытия Генеральных Штатов, а потом и революции) не могла доставить покойному шведскому королю столько денег, сколько ему было нужно"²⁴. Таким образом, даже в выдаче субсидий

противникам России (а в XVIII в. это было самым надежным способом достижения дипломатических целей) Англия проявляла умеренность. Трудно предположить, как развивались бы события, продолжи Густав III войну с Российской империей.

Влияние на Россию было в основном безрезультатным. Даже после Рейхенбаха она продолжала настаивать на прежних требованиях. В этих условиях правительство Нигга перешло от дипломатического давления к военным угрозам. Если Лидс был давен настроен решительно, то теперь требовалось убедить более осторожного премьера. В этом главную роль сыграл посол в Берлине Эварт. В Британском Публичном архиве в Лондоне хранятся 10 писем Эварта Питту, отправленных в период с 16 ноября 1790 г. до 15 февраля 1791 г., пока Эварт находился в Англии. Из них 6 были написаны в ноябре–декабре, 1 – в январе, 3 – в феврале. В письме от 16 ноября дипломат отмечает, что нужно срочно убедить Порту, что Англия готова действовать, чтобы обеспечить ее безопасность на суше и на море: "Я оставляю, – пишет он, – вопрос о том, как далеко мы можем идти, на Ваше усмотрение", но результатом этого будет установление британской тегемонии в Константинополе на постоянной основе, что приведет "к принятию всех коммерческих и иных предложений, которые мы посоветуем"²⁵. В конце ноября – начале декабря английское правительство окончательно отвергло план Герцберга, о чём Эварт пишет с удовлетворением. В письме от 13 декабря он обращал внимание Нигга на успехи Тройственного союза в Константинополе и Варшаве, пришедшие к усилению позиций Великобритании в Европе в целом. Он, однако, считал, что эти успехи могут быть закреплены только полной победой над Россией (из текста не ясно, идет ли речь о военной или дипломатической победе). Эварт полагал, что дипломатические требования должны быть подкреплены военными приготовлениями, а колебания Берлинского двора будут преодолены, если Англия возьмет инициативу на себя. Наиболее показательно письмо Эварта Питту от 15 января 1791 г. В нем он откровенно заявляет: "Россия должна вернуть Порте завоеванное не только потому, что Очаков и его окрестности действительно важны для турок. Это дело второстепенное, если сравнить его с тем решающим влиянием, которое результат нынешнего спора окажет на силу и постоянство политики нашей страны". Или мы заставим Россию уступить, или "все наше влияние в Берлине, на севере и в целом не продлится слишком долго, и тем более речи быть не может о расширении нынешней системы"²⁶.

События в Австрии для британского кабинета известия приходили из Вены от лорда Элджина: он сообщал, что при императорском дворе набирает силу дружественная Тройственному союзу партия и даже можно рассчитывать на поддержку Австрии в "турецком деле", ибо она заинтересована в том, чтобы обезопасить себя от растущих требований и влияния России²⁷. Среди британских дипломатов известную умеренность проявлял посол в Гааге лорд Оукленд. В депеше от 22 декабря 1790 г. он остроумно уточнял, что "завоевания императрицы у турок, возможно, и не столь велики, как представляют". Это мнение, однако, не могло перевесить суждений других дипломатов. Таким образом, к началу 1791 г. конфронтация достигла такой остроты, что конфликт начался неизбежным.

Настроениям Эварта соответствовал и тон посланий Уитвортса из Петербурга. В начале января 1791 г. он замечал, что время уговоров закончилось и пора подавать с выдвижением ультимата, который, "если они не совсем безумны, будет иметь желаемый эффект". Через неделю, 10 января, он сообщал о полученном через посла Фридриха Остермана "в грубой и беспрепедентной манере" ответе, в котором говорилось, что "императрица никогда не согласится" (выделено в документе. – А.С.) на условия, произвольно диктуемые ей, и лучше пойдет на риск, чем позволит перечеркнуть всю свою свою долгого царствования такой позорной покорностью". Далее в депеше Уитвортса говорилось, что пришло время для окончательного решения о посылке флота на Балтику, которое должно быть дополнено соответствующими приготовлениями прусского короля, и тогда "императрица, осознав силу подобной комбинации, несомненно, уступит, но не ранее, чем дело дойдет до самой крайности". Далее Уитворт сообщает об укреплении русскими портами и флотом, приводил таблицы численности

войск, план Ревеля и карту Финского залива, однако полагал, что все это делалось для создания видимости того, что Россия пойдет до конца, на самом же деле последовательность и сплоченность союзников "сломит гордый дух и заставит согласиться на хорошую политику и гуманность"²⁹. В донесении от 5 февраля Уитворт называл три возможных условия примирения: во-первых, разрушение Очакова и возвращение спорной территории туркам; во-вторых, сохранение ее за Россией в обмен на разрушение Очакова; в-третьих, провозглашение независимости этого района. Именно последний вариант представлялся Уитворту наиболее разумным, так как на него могла согласиться и императрица³⁰.

В Лондоне разделяли жесткую позицию Уитворта, и ультиматум России был предъявлен. Как писал С.Р. Воронцов, "условия мира были предложены нам министрами Пруссии и Англии. У нас смущались, отговаривались, давали уклончивые ответы и не умели заговорить тоном, приличным одной из первых держав в мире. Это ободрило оба союзные двора, но, чтобы играть в более верную игру, они стали заносить в Стокгольм..."³¹ Трудно судить о точности замечания Воронцова по поводу колебаний в Петербурге в январе–феврале, но к войне там готовились, о чем свидетельствуют и донесения Уитворта. В письме к доктору Циммерману от 26 января 1791 г. императрица привела свои собственные слова, якобы сказанные ею Уитворту: "Я знаю, что Ваш двор определил меня изгнать из Европы; надеюсь, что по крайней мере он позволит мне удалиться в Царьград"³². Итак, в первой половине февраля ответ России был получен: это был отказ от *status quo*.

По мнению Уитворта, настало время крайних мер. В донесении от 18 февраля он писал: "Поскольку они принудили нас к этому, мы должны показать, что наша вражда может быть такой же внушительной, как наша дружба и приязнь. Мы должны нанести удар и всеми средствами разрушить их флот, что можно определенно сделать без большого труда; нужно поставить Россию на то место, которое она и должна занимать среди держав Европы, и покончить со всеми химерами величия и значимости, которые вытекают из идеи, что она является морской державой, идеи, которая в свое время породила вооруженный нейтралитет и может теперь иметь последствия, вредные для его величества"³³. Уитворт считал особенно важным нанесение удара именно по морскому могуществу России: он советовал послать британский флот не только на Балтику, но и в Архипелаг и утверждал, что у России в Севастополе пока всего 11–12 кораблей, но в будущем эта гавань может стать большой угрозой. Большинство британских морских офицеров на российской службе обещали ему уйти в отставку или по меньшей мере не участвовать в военных действиях на Балтике в случае появления там флота Великобритании. "Мы уничтожим Россию как морскую державу Севера"³⁴, – заключал он.

Наступил момент для решительных действий. Следовало подкрепить свои требования демонстрацией военной силы. Но, чтобы решиться на это, Великобритания должна была иметь уверенность в главном союзнике – Пруссии, заставить Голландию поддержать решительные меры против России, обеспечить поддержку или по меньшей мере нейтралитет со стороны Австрии и Дании, убедить вступить в войну шведского короля и привязать к действиям Тройственного союза Польшу. На согласование позиций уходило немало времени, и, как выяснилось, этот фактор работал тогда на Россию. Кроме того, в Лондоне решили дождаться начала заседаний парламента в марте, так как, по-видимому, Питт был уверен в твердой поддержке большинства депутатов.

Эварт сообщал премьеру об обнадеживающих известиях из Берлина: "Счастлив заверить Вас, что граф Герцберг действует целиком в согласии с нами и что король Пруссии твердо придерживается принципа, что для сохранения нынешней политической системы и его собственного значения необходимо заставить Россию вернуть все Порте"³⁵. Между тем в Берлине все обстояло не так уж благополучно для Англии. Донесения британского представителя Джексона из прусской столицы свидетельствуют, что при дворе Фридриха-Вильгельма II не было единства, хотя, по уверениям посла, сам король твердо придерживался требования сохранения *status quo*. Джексон упоминает о группировке графини де Доенхоф, с которой был связан принц Генрих

Пруссии и которая могла нанести серьезный ущерб англо-прусскому союзу³⁶. Поэтому неудивительно, что уже в начале марта Джексон сообщал о "неожиданных изменениях и настроении прусских министров". Прежде всего у англичан вызывала опасения позиция самого Герцберга, сомнения которого разделяли и другие придворные. Действительно, в феврале–марте нельзя было исключить, что Пруссия и Россия договорятся между собой. Вероятно, английский кабинет несколько успокоило сообщение Джексона от 11 марта о встрече с одним из ближайших фаворитов короля Фридриха-Вильгельма II Биннфевердером, заверившим, что его король не в курсе подобных планов. Некоторых придворных и его позиция остается прежней: мир должен быть заключен только на условиях предыдущего *status quo*, иначе Пруссия утратит влияние в Польше, и в Турции.

О нежелании участвовать в борьбе против России открыто заявила Голландия. Уже в начале марта голландский посол в Петербурге проинформировал Уитворт, что его страна не примет участия во враждебных по отношению к России акциях и в случае войны останется нейтральной³⁷. К тому времени позиция Генеральных Штатов уже была доведена до сведения британского правительства. В инструкциях из Лондона, отправленных в Берлин, разъяснялось, что голландцы считают, что действия против России будут носить не оборонительный, а наступательный характер. "Нет нужды указывать, что величеству на негативные последствия и существенный вред, вытекающий из того, что один из союзников отходит от поддержки системы, согласованной и принятой друзьями"³⁸ — замечал Линд. Что касается Дании, то в британских дипломатических кругах с самого начала было признано, что заставить ее разрешить британскому флоту пронести через Зунд возможно "или при условии сотрудничества, или силой"³⁹. Густав III Шведский, по словам Воронцова, "был настолько изменчив и безрассуден, что поддался этим внушениям и согласился на все, споря только о подробностях, то есть требуя большие деньги, чем предлагал английский посланник Листон"⁴⁰. Вполне понятно, что король Густав хотел в тех обстоятельствах извлечь максимальную выгоду. Тем не менее и его позиция не была однозначной. В конце февраля, анализируя поступающую от него информацию, Джексон заключал, что "выбор шведского короля в высшей степени не ясен, хотя он склоняется к нашим взглядам"⁴¹. Меньше беспокоила позиция Польши, потому что, по донесению лорда Окленда из Гааги, "этот многочисленный, но разобщенный народ с неустановившейся формой правления подвержен многим опасностям и, будучи жертвой внутренних раздоров и внешних интриг", вполне может присоединиться к Тройственному союзу⁴².

Другое дело Австрийская империя: невозможно было предугадать, как поведет себя Леопольд II. С одной стороны, Джексон сообщал об удовлетворении, с которым в Берлине встретили заявление австрийцев, что они не предпримут в случае конфликта "прямых и открытых действий". С другой — дипломатическая переписка содержит свидетельства о сохранении и даже обострении в тот момент австро-прусских противоречий. В донесении Уитвorta из Петербурга от 25 февраля отразилось раздражение посла по адресу тех, "чья главная обязанность сотрудничать с нами, но вместо этого они создают предубеждения против нас". Речь идет прежде всего об австрийском после в России граве Кобленце, который "более всего стремится угодить императрице, даже действуя вопреки инструкциям своего суверена"⁴³. 8 апреля Уитворт и вовсе пишет о благоприятных для Екатерины известиях из Вены о том, что, "если прусский король обнаружит меч, император вмешается"⁴⁴.

Как видим, в течение января–марта 1791 г. британская дипломатия предпринимала усилия для международной изоляции России. В целом эта задача решена не была. Даже в Пруссии не было полной уверенности и единства во взглядах на конфронтацию с Россией. Голландия прямо вышла из игры. Очаковский кризис оказался проверкой на прочность Тройственного союза, и этой проверки он не выдержал. Швеция, Дания, Австрия явно выжидали, как будут развиваться события. Как справедливо заметила И. де Мадариага, "зимой и весной 1791 г. британская политика держала Европу в напряжении. Питт не только был настроен сохранить баланс сил в Европе таким, каким он его

видел, но и образовать так называемую федеративную систему, объединяющую Тройственный союз, Скандинавию, Польшу и Турцию в широкую лигу, направленную против двух империй и двух бурбонских государств. Он также воспринял мысль, что Польша сможет заменить Россию как экспортёра материалов для флота, зерна и кожи"⁴⁵.

Разногласия имели место и в Петербурге, куда 28 февраля прибыл Потемкин. Он торопился, так как в Яссы поступали известия о том, что последний екатерининский фаворит Платон Зубов создавал при дворе собственную партию ("надо избавиться от зубной боли"). По мнению И. де Мадариаги, Потемкин более серьезно, чем Екатерина, воспринимал угрозу со стороны Пруссии и стремился по меньшей мере к тому, чтобы склонить императрицу к тайным переговорам с пруссаками, которые позволили бы сохранить захваченное у турок при условии перехода Данцига и Торуня к Пруссии⁴⁶. Потемкин также предлагал направить казаков в польскую Украину, организовав вместе с Пруссии новый раздел Польши. Уговорить Екатерину уступить оказалось непростым делом даже для Потемкина. Она отказывалась написать письмо Фридриху-Вильгельму. Царица направила Потемкину записку следующего содержания: "Ежели хочешь камень свалить с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силы сухопутные и морские произвести действие наискорее, а то войну протянем еще надолго"⁴⁷.

Потемкин не только предлагал Екатерине сговориться с Пруссии, но и намекал англичанам на возможность соглашения. 18 марта Уитворт сообщал, что был приглашен на обед. На нем присутствовал и Потемкин, который сел рядом с ним и говорил, что Англия и Россия должны быть в хороших отношениях и он делает все для поддержания этого, что договориться они смогут и без Берлина⁴⁸. Как заметил Дж. Александр, «хотя Потемкин пытался успокоить взволнованную императрицу, его хорошо известная англофilia лишала его советы ценности, как и его замечания, что глупо воевать против англичан с необученными солдатами, или его горький сарказм относительно взбалмошности Екатерины: "Неужели не утомила шведская канонада?"»⁴⁹ Поддаваясь уговорам светлейшего князя, императрица все же не верила, что союзники решатся начать войну. 4 апреля она пишет Потемкину: "Пугательным прусским выдумкам, пришедшим сего утра, я уже отлагаю придать веру, донеже подтверждается; подобные мы многие уже видели; тут же они, как и всегда, оставили себе открытые калитки, чтоб вынырнуть, как сам увидишь; ибо говорят, что второго курьера с датской интериссией из Англии ожидают"⁵⁰.

Между тем в Англии всерьез готовились к войне. К концу марта эскадра из 36 линейных и 29 меньших кораблей была готова к отплытию в Балтийское море. Это был флот более сильный, чем позднее у Нельсона при Трафальгаре. Как указывает Дж. Эрман, кабинет министров в марте трижды обсуждал отношения с Россией: возможно, 21-го, точно 22-го и, весьма вероятно, 27-го. Было принято решение о дополнительных приготовлениях. Странным было то, что в отличие от обычной практики вопрос об Очакове не был досконально проработан, хотя именно Очаков был *casus belli*. Для Питта вообще было характерно тщательное предварительное изучение вопросов⁵¹. Он сам составил текст ультиматума, отосланного в Петербург от имени лондонского и берлинского дворов 27 марта. Очаковский кризис вступил в решающую fazу.

Что делал в это время российский посол в Англии Семен Воронцов? Его заслуги в преодолении кризиса примечательны, но приходится признать, что Воронцов действительно просчитался и недооценил решимость англичан. К этому следует добавить, что, несмотря на опыт 1788–1789 гг., посол долгое время не видел, как можно использовать оппозицию в интересах России, возможно, именно в силу того, что не воспринимал британские угрозы всерьез. В апреле 1790 г. он сообщал в Петербург, что не видит пользы в общении с лидерами оппозиции потому, что она слаба: "Сия оппозиция, видим, исчезает. В народе она потеряла доверенность за прилепление ее к принцу Валлийскому, коего распутная жизнь и женитьба с католичкою ненавидимы во всей Англии... Оппозиция, видимо, теряет свои силы. Фокс внутренно недоволен принцем валлийским. Борк поссорился с Шериданом, и, хотя наружно их и примирili, чистосердия

между ними нет. Дюк Левоншир уехал с семьей в чужие края. Питт находится теперь в наивысшей степени своей славы и любви народной, которую потерять можно, если бы война случилась, ибо за сею всегда следуют новые подати, а за оными всеобщее недовольство". Воронцов сообщал о весьма благоприятных обстоятельствах, в которых находилось правительство Питта: "Англия никогда еще не была в столь щастливом положении, как ныне: поелику приращение ее торговли и навигации превосходит всякое воображение. Государство в долг, но доходы гораздо превосходят издержки, и сим способом долги уплачиваются. Золото от всех земель сюды стекается и курс идет в пользу ея противу всех исключительно. К сему щастию ея еще присоединить можно неизменное положение Франции, которая разорилась надолго"⁵². Исходя из этого, Воронцов считал, что вступление Англии в войну маловероятно.

Только когда стало ясно, что англо-российское столкновение вполне возможно, Воронцов развел чрезвычайно бурную деятельность. Он встречался с Питтом, который "отвечал уклончиво и ничего не значащими фразами, как человек, решившийся на меру, которую не может оправдать при всем своем искусстве в диалектике". С изрядной долей нафоса Воронцов приводил в автобиографии собственные слова, адресованные герцогу Линсу: "Коль скоро министерство настолько ослеплено, что готово настаивать под предлогом сохранения Очакова для Турции, что для Англии не имеет никакого значения) на продолжении бедственной войны, вредной для обеих сторон, то моя обязанность устранить это зло. Вы, конечно, можете рассчитывать на большинство в обеих палатах; но я настолько ознакомился уже со здешнею страной, чтобы знать, что министерство и самый парламент не имеют никакой силы без поддержки графств и независимых собственников, в сущности управляющих страною. Поэтому я вам объявляю, господин Герцог, что я всеми мерами буду стараться, чтобы нация узнала о ваших намерениях: столь противных ея интересам, и я слишком убежден в здравомыслии английского народа, чтоб не надеяться, что громкий голос общественного мнения заставит вас отказаться от несправедливого предприятия"⁵³.

В депешах, отсылаемых в Петербург, Воронцов советовал не отступать. В автобиографии он противопоставлял свою твердость колеблющейся позиции Потемкина. «Но между тем я известился из верного источника, что у нас склонялись на уступки и что князь Потемкин оказывал больше робости, чем кто-либо иной, так что императрица, говоря обоих летах и упоминая обо мне, сказала: "Только он один мыслит так же, как и я". Этот страх, обуявший князя Потемкина, заставил его склонить наш двор к подобной мере, которая стоила много денег», – писал Воронцов и сообщал о подкупе Г. де Мирабо, через которого надеялись получить содействие в том, чтобы Учредительное собрание Франции объявило Англии войну⁵⁴. Трудно судить, насколько можно доверять этому свидетельству: при Павле I, когда писалась автобиография, Воронцов был интересован в том, чтобы подчеркнуть, что он противостоял всесильному князю. О застуках Воронова во время кризиса писал ему в июне 1791 г., когда опасность войны уже фактически миновала, его друг П.В. Завадовский: "Одна [Государыня] Екатерина II... А С. [Воронов] удерживала действовать робости, которая в смятение приводила наши министерства. Без того и без твоих рассуждений, советовавших твердость, страх бы совершился... Не потаю от тебя, что часто спорил о справедливости твоих суждений с твоим братом (Александром Воронцовым. – А.С.). Он находил, что лишнее верить на себя, что до прямой с нами войны не дойдет Англия. При всей своей разумности он боязлив. Хотя не то мы делаем, что бы ты учил, если бы первым министром был у Государыни великой державы и любящего славу, однако ж кой-как и за нечестию крепимся, не отказываемся слушать предложения, сохраняя свой ультиматум, чтобы протянуть время, отнять удобность к действиям на севере, дая тем самым удобность ударить сильно на турков и вынудить безпосредственный мир"⁵⁵. Как видим, и в письме Завадовского (тоже противника Потемкина) фигурирует слово "страх". Как бы то ни было, но именно Потемкину адресован собственноручный рескрипт Екатерины от 12 апреля: "Князь Григорий Александрович. По настоящим обстоятельствам не уместим мы дать вам решительные наши предписания, касающиеся до плана действий

против разных держав, на нас враждающих: а между тем соизволяем, чтобы вы, сходно предписанию и расположению войск нам от вас представенному, приняли все потребные меры и так учредили, чтоб войски и вообще все нужное на местах им предназначенные были, дабы при открытии неприязненных со стороны Польши и Пруссии движений, по получении наших повелений, могли куда надлежит тотчас обратиться"⁵⁶. Речь, следовательно, шла о приведении войск в боевую готовность.

Тем временем в Лондоне развернулась драматическая борьба Воронцова против политики кабинета Питта в русском вопросе. Русский посол использовал все свои связи в парламенте, контакты с оппозицией, прессой и издателями, его единомышленники сочиняли памфлеты, разоблачающие политику британского кабинета. 28 марта в обеих палатах парламента было направлено королевское послание. В нем говорилось, что до сих пор попытки умиротворить Россию и Порту не имели успеха, продолжение же войны задевает интересы "его величества, его союзников и Европы в целом", поэтому необходимо провести увеличение морских сил и оплатить дополнительные расходы, которые неизбежны в связи с этими приготовлениями⁵⁷. На следующий день, 29 марта, обе палаты приняли резолюции, одобрявшие правительственные меры, однако сам ход дебатов и соотношение сил сторонников и противников кабинета вызвали у Питта серьезную озабоченность.

Уже 29 марта в парламенте прозвучала критика политики кабинета. В обеих палатах тон задавали противники правительства, выступавшие против традиционного выражения благодарности за меры, изложенные в королевском послании. В палате лордов возражения вызвало утверждение Гренвилла, что предложенные шаги "совершенно необходимы" и вытекают из международных соглашений Великобритании. Лидер оппозиции в верхней палате граф Фитцуильям утверждал, что все меры кабинета, направленные на восстановление мира, были до сих пор безрезультатными; причина выступлений против России непонятна, так как неясно, что опасного для Англии в том, если императрица сохранит Очаков и Аккерман. Он также не видел, в чем состоит угроза главному британскому союзнику – Пруссии. По мнению лорда Порчестера, "ради сохранения этих безумных амбиций министр до основания разрушает общественный кредит, присваивая дивиденды, принадлежащие государственным кредиторам, истощая сокровища страны". Порчестер делал упор на финансовых затратах, а Карлейль рассуждал по поводу дипломатического фактора в духе концепции "естественного союзничества": "Мы пренебрегли укреплением дружбы с императрицей, а сейчас мы еще более провоцируем ее. Война против России неполитична". Лорд Сторморт не видел никакой опасности в том, что Очаков останется за Россией: оперируя традиционными аргументами в духе галлофобии, он подчеркивал, что Турция издавна, еще со времен Франиска I, "была инструментом в руках Франции". Лорд Лоутборо подчеркивал бесперспективность конфликта с Россией с военно-стратегической точки зрения: "Существует ли намерение, что британский флот войдет в Балтику, а прусская армия через Ливанию промарширует на Петербург? Даже если удастся захватить Петербург, разве это будет означать окончание войны? Или победа будет достигнута в Москве? Короче, трудно представить все бедствия, к которым приведет этот конфликт"⁵⁸.

Итак, аргументация оппозиции сводилась в основном к следующему: война с Россией ухудшит и без того плачевное положение страны и непосильным бременем ляжет на налогоплательщиков; война не вытекает из необходимости выполнять международные соглашения, так как запланированные меры носят наступательный характер, а договор с Пруссией является оборонительным; война неразумна с военной точки зрения, ибо ее исход невозможно прогнозировать. Ораторы от правительства не нашли веских возражений против этих аргументов. Герцог Ричмонд утверждал, что укрепить морские силы необходимо, чтобы придать позиции Англии больший вес на переговорах. Лорд-канцлер Терло замечал, что договор с Пруссией действительно является оборонительным, но "договоры, даже оборонительные, нужно понимать широко и свободно. Союзник должен вникнуть и принять взгляды другого союзника без жесткой привязки к буквам договора". Кроме того, он подверг критике мнение, что турки бесполезны для

Англии, а Россия – естественный союзник. “Если бы она была естественным союзником, то так бы себя не вела”, – заключил он. Государственный секретарь герцог Лис заявил, что требовать от министров дополнительной информации об обстоятельствах появления королевского послания было не вполне разумно⁵⁹.

Еще более резкий характер приобрели дискуссии в палате общин, хотя надо признать, что, с точки зрения аргументации позиций, они не многим отличались от дебатов в верхней палате. Прения открыл сам премьер. Настаивая на одобрении мер правительства, он сделал акцент на соображениях дипломатического характера. Питт сожалел, что не удалось добиться заключения мира между Портой и Россией, и утверждал, что текущая политическая ситуация потребовала вооружения. В основе его доводов лежала традиционная для международных отношений в XVIII в. концепция “баланса сил”. Он заявил: “Все, что ведет к превращению этой империи (Турции. – А.С.) в слабую и ненадежную, неизбежным образом задевает Пруссию и наносит ущерб нашим интересам. Если речь идет об усилении России, результат этого касается не только двух стран (России и Турции. – А.С.), мы имеем прямой и важный интерес в связи с их войной”⁶⁰. Речь Питта оппозиция встретила критически. Лорд Уикомб заявил, что вооруженная акция против России губительна для Великобритании, и призвал прислушаться к мнению “петербургской фактории”, чтобы понять, насколько Англия заинтересована в дружбе с императрицей. Депутат от Норфолка Кок заметил, что премьер не представил ни аргументов, ни документов, подтверждающих необходимость принятых мер и, следовательно, правомерность новых тягот для населения. Резким было выступление депутата Лэмбтона, говорившего, что “национальная честь, возможно, самое сильное основание для того, чтобы говорить об удовлетворении силой оружия. Без этого никакой народ не будет в безопасности и не сохранит свою независимость”. Когда национальная честь была задета испанцами, парламент единодушно поддержал правительство. “Но чем нас оскорбила Россия? Чем она запятнала нашу честь? Захватила ли она наши территории или замышляет провести акции против нашей торговли и собственности подданных британской короны? Ничего подобного, и все же мы готовимся воевать против нее”, – воскликнул оратор. Он иронизировал по поводу того, что целью установления новых тягот и налогов может быть только добыча медвежьих шкур. В защиту кабинета выступил лишь депутат Стил, напомнивший, что “недавно, когда мы находились в неравном споре, именно императрица выдумала вооруженный нейтралитет, прямо враждебный нашим интересам”⁶¹.

Особенно внимательно палата слушала лидера оппозиции Г. Фокса, речь которого был одним из самых ярких выступлений этого оратора в парламенте. Недаром русские, безусловно, признавали заслуги Фокса в победе над кабинетом Питта. Уже после окончания очаковского кризиса, в декабре 1791 г., С. Воронцов писал: “Великодушие этого отменно редкого и приспособленного талантами человека никогда так не оказывалось, как во время безрассудного вооружения господина Пита против России, ибо при первом моем с ним свидании он сказал, что, не мешая министру в его вредном предприятии, он будет, конечно, опрокинуть всеобщим негодованием нацию, которая однако жеbekmo tota uznala нагубные его меры, как война и все ее худые следствия настанут, и что по низвержении господина Пита, он, Фокс, войдет с друзьями своими вправление; что он изъявит отечества предпочитает своей собственной и затем будет противу их злых мер говорить и действовать, чтобы, пока еще есть время, нация могла быть избавлена от сей нагубы. Успех увенчал великодушное его намерение; он просветил царя, и она принудила министра отложить безпутное свое намерение”⁶².

Пак, в парламенте Фокс обрушился на политику Питта: “Когда я услышал, что дела дошли до той крайности, в которой находятся сейчас, я не поверил собственным ушам и заявил, что подобная глупость невозможна”. Фокс критиковал речь Питта, который “держался с такой секретностью и важностью”, что не разъяснил ничего. Дополнительные тяготы пытаются возложить на английский народ, когда ни Англия, ни прусский король никакому нападению не подверглись. Фокс замечал, что до сих пор Великобритания в целом одобриительно смотрела на расширение Российской империи,

и спрашивал, “политично ли” вступать в войну из-за города, который может быть полностью разрушен в течение нескольких дней. Оратор отвергал тезис о том, что усиление России за счет Турции противоречит британским интересам: “Глупо было бы с ревностью взирать на растущую силу России в Черном море, единственном море, где еще не появлялось ни одного британского судна”⁶³. Более того, Фокс не видел ничего страшного в том, что российский флот появится в Средиземноморье: Россия будет там противовесом Франции и Испании. Опасаются, что императрица вступит с этими странами в союз, но ведь даже без участия России британский флот был изгнан оттуда во время Американской войны. Рассуждая о правилах “политической арифметики”, связанных с балансом сил в Европе, Фокс говорил, что Очаков и честь ничего не весят, честь – минусовое качество, которое вычитается из ценности Очакова. “Жаль, что это не мог слышать Пальмерстон”⁶⁴, – саркастически заметил историк Ч. Хобхаус. Фокс также считал необходимым специально остановиться на вопросе о вооруженном нейтралитете. Он доказывал, что эта идея пришла в голову не Екатерине, а покойному прусскому королю Фридриху II и лишь интригами берлинского двора Петербург был вовлечен в эту политику.

После Фокса слово вновь взял Питт. Он по-прежнему упирал на дипломатический фактор. Согласившись с тем, что британская политическая система носит оборонительный характер, он тем не менее заключал, что вмешательство в европейские дела – ее неизбежное следствие. В случае успеха России Пруссия будет вынуждена сосредоточить все свое внимание на юго-восточных рубежах, что не может не ослабить ее влияния в Нидерландах, а это уже прямо задевает британские интересы. Что касается той части речи Фокса, в которой говорилось о традиционном англо-российском союзничестве, то, по словам премьера, “это рассуждение, а не аргумент”. Или прежние министры ошибались, или обстоятельства изменились. Основная мысль выступавшего сводилась к тому, что возвышение России и упадок Турции прямо затрагивают британские интересы. Он считал, что Польша заменит Россию как поставщик важных товаров⁶⁵.

После Питта слово взял еще один знаменитый парламентский оратор – Э. Берк. Он утверждал, что предлагаемая Питтом мера – самая необычная из всех, когда-либо обсуждавшихся в парламенте в его присутствии. Выступая против правительства, Берк подчеркивал, что политика Англии направлена на подавление России: “Почему бы не заявить сразу, что она не может получить во владение никакую территорию, даже самую малую и незначительную? Если речь идет о балансе сил в Европе, то при чем здесь Турция, страна азиатская?” Оратор иронизировал также по поводу слов “sufficient” и “enough” в английском языке: если надо предпринять достаточные шаги для защиты англо-prusского союза, то где пределы этой достаточности?⁶⁶

Многие выступавшие в парламенте ставили вопрос о недостаточной информации, предоставленной им кабинетом. Они выражали позицию значительной группы депутатов, входивших в правительственный большинство, но скептически относившихся к перспективе войны с Россией. Дж. Эрман справедливо заметил, что очень немногие депутаты знали что-то об Очакове, некоторые с трудом представляли, где он находится, все действительно напоминало “споры об отдаленной стране между народами, о которых мы не осведомлены”⁶⁷. Правительство получило при голосовании большинство, но симптомы выявились для него неприятные. Дискуссии в парламенте возобновились уже через день. В палате лордов Фитцуильям поставил вопрос о значении прусского союза и заявил, что экспансия России в Причерноморье не может быть поводом для вступления в войну против нее. Правительству вновь пришлось отбивать атаки оппозиции. За короткое время правительственный большинство в палате общин сократилось до 80 человек. Как писал Воронцов, Питт “увидел с удивлением, что, хотя и добился большинства в палате, оппозиция его министерству вдруг усилилась на сто членов против прежнего числа и он подвергся сильнейшим нападкам многих ораторов. Он заметил, что некоторые друзья его вышли из палаты, чтобы не подавать голоса против него и не высказываться в его пользу. Это его весьма смущило, а на другой день он пришел еще в дальнейшее замешательство, когда увидел, что число оппонентов возросло

и что он хотя сохранил еще большинство в палате, но может его лишиться”⁶⁸. В кабинете министров усилились сомнения в правильности и своевременности “вооружения против России”. На заседании 30 марта “сомнения Страффорда добавились к сомнениям Гренвилла и Ритмонда. На продолжении прежней политики настаивали Питт, Лидс и Чэтэм; Кэмден говорил весьма апатично, Терло сделал вид, что спит”⁶⁹.

С.Р. Воронцов продолжал борьбу за британское общественное мнение. Сам он описывал свою деятельность так: “Я посетил вождей оппозиции и, что было еще действительнее, нескольких членов нижней палаты, которых независимый и честный характер пользуется уважением и министерства, и оппозиции и которые внушают всей стране такое доверие, что по их голосам судят о правоте и полезности всякого дела. Я объяснял им несправедливость предложенных мер, огромные расходы, которые они навлекут за собою и вред от прекращения торговли с нами, столь необходимой для Англии. Они обещали мне свою поддержку”⁷⁰. Воронцов также пишет о “своих друзьях в парламенте”, готовых “разъяснить их товарищам безрассудство министров”. В частности, он называет имя Димедиля – сына врача, прививавшего оспу Екатерине II. Впрочем, не только действия российского посла изменили расстановку сил в парламенте. Скорее правительство переоценило свою способность манипулировать мнением депутатов и недооценило нежелание английского общества ввязываться в войну на основании аргументов, отражавших лишь требования “высокой” европейской политики.

Воронцов, однако, действовал не только через парламентариев, но и за стенами Вестминстера. В депеше от 5 мая Уитворт указывал, что посол России получил от своего двора полную свободу в том, что касалось интриг и сколачивания фракций, “и я упаковом хорошо знаком с нравами этого двора, чтобы сомневаться, что они используют все средства, даже самые негодные, которыми, по их мнению, могут запугать тех, кого они считают своими противниками”⁷¹. С марта по июнь готовились записки для прессы. Где доказывалась нагубность питтовской политики, в разных городах состоялись митинги и собрания, на которых часто выступали ораторы, близкие Русской торговой компании. В Лондоне на стенах домов появились надписи “Не хотим войны с Россией!”. “Состается линия гадать, не члены ли русского посольства занимались писанием на стенах, ведь развертывание их литературных и пропагандистских сил составляло неотъемлемую часть воронцовской кампании”⁷², – замечает английский историк Э. Кросс. Среди других агитационных материалов, разработанных в посольстве, выделяется памфлет “Серьезное рассмотрение причин и последствий нашего теперешнего измущения против России”, который, по словам Кросса, был первоначально написан на французском языке личным секретарем Воронцова швейцарцем Жоли, а затем переведен на английский Дж. Парадайзом, членом Королевского общества.

В памфлете подчеркивалось, что в русско-турецкой войне Турция была агрессором, причем ее политика в немалой степени диктовалась берлинским и лондонским дворами. Оправдывались и важные для английских министров аргументы дипломатического характера. Если Питт в парламенте апеллировал к господствовавшей в XVIII в. концепции “баланса сил”, то авторы памфleta по существу игнорируют ее: «Высокопартийная фраза “баланс сил” вошла в язык политиков со временем Вильгельма III и его министров... Если бы не то великое значение, которое ей придается, можно было бы сказать, что, применяясь на лицемерном жаргоне министров, она не несет реального содержания, но используется для обоснования таких мер, как нынешние, то есть это понятие без содержания»⁷³. В памфлете говорилось о том, что на протяжении всего XVIII в. англо-русские отношения развивались в духе “естественного союзничества”, и если при этом возникали трудности, то это объясняется вмешательством других дворов. Особую злобу испытывали французы. Граф Верженн хотел полностью разрушить англо-российские связи и с помощью пруссаков в известной степени преуспел: окружили пруссаками, инсайдами и такими помощниками, как Панин, “императрица была обманута на ложной путь дурными советами”. Так объясняется появление юридических для британцев правил вооруженного нейтралитета. Истинная причина конфликта, по утверждению авторов, состоит в желании Пруссии получить Гданьск и То-

рунь, чему Россия противодействовала еще при первом разделе Польши. Поэтому пруссакам и надо было вовлечь ее в войну с Турцией. В памфлете доказывалось, что война с Россией будет пагубна для британской торговли, а Польша никак не сможет заменить российский рынок. Общий вывод авторов звучал так: “До сих пор слава британцев состояла в том, что они могли себя защитить и предпринимали наступательные действия только когда были задеты или оскорблены. Нашему национальному характеру противоречит раздувать войны и организовывать заговоры, на протяжении двух веков торговля с Россией была предметом особой национальной заботы... Сейчас мы превращаемся в разрушителей мира, отдаляем доходную торговлю французам, а Данциг и Торунь – в руки монарха-деспота”⁷⁴. Нельзя не признать, что памфlet был составлен действительно талантливо, сочетая простоту аргументации с выдержаными в патриотическом духе пассажами, которые не могли не тронуть читателя-britanца.

Питт держал флот вооруженным до конца июня 1791 г., но фактически отступил с прежних позиций уже 30 марта. Сомнения одних и возражения других министров привели к посылке курьера в Берлин: передача в Петербург англо-пруссского ультиматума была приостановлена. Об этой мере публично не сообщалось, но дальнейшее ослабление влияния кабинета в парламенте заставило Питта пересмотреть свою позицию: в российскую столицу направляется специальный посланник Фаукенер с инструкцией добиться от Екатерины уступок и достичь компромисса (“с наставлением уступить во всем воле императрицы”⁷⁵, как пишет Воронцов). К 15 апреля Питт определился окончательно: в этот день им были составлены записки с обоснованием изменения правительенного курса.

В кабинете министров произошел раскол. Ушел со своего поста государственный секретарь герцог Лидс, его сменил Гренвилл. Мотивы своей отставки Лидс изложил в меморандуме от 9 апреля – фактическом ультиматуме премьеру. В нем речь шла о двух вариантах мирного урегулирования конфликта – при посредничестве Дании и Испании. Лидс считал, что датский вариант – это не уточнение, а полное “изменение системы”, так как предложения исходят от державы, на которую он “смотрит лишь немногим иначе, чем на провинцию России”. К этому он добавлял: “Мое мнение по этому делу не изменилось, и нам следует действовать по первоначальному плану; язык оппозиции убедил меня, что не следует уступать ей дома и во внешних делах, ибо это в высшей степени важно для наших интересов, как политических, так и коммерческих. Я не понимаю, как можно жертвовать репутацией правительства из-за русской партии в парламенте, ибо те аргументы, которые я слышал, не могут оправдать того, что мы сдаемся”⁷⁶.

24 мая в письме Эварту Питт выражал желание, чтобы тот разъяснил Фридриху-Вильгельму II мотивы его политики. Премьер настаивал, чтобы это было сделано искренне и доверительно: король должен знать, что никто другой, кроме него, Питта, не стоял так твердо на требовании *status quo*. Питт возвращался к парламентским дебатам: “Мы провели вопрос через палату общин, и немалым большинством. Я убежден, что мы могли сохранить этот успех до тех пор, пока продолжались переговоры. Но, зная взгляды значительной части большинства, в том числе самых искренних друзей правительства, полагаю, что если бы дело дошло до точки, за которой война, если бы пришлось (а это было бы неизбежно) определить ее причины, то мы не сумели бы провести нужную резолюцию или провели бы ее таким незначительным большинством, что это было бы равносильно поражению. Я пришел к сему мнению без желания и не опрометчиво, и не было случая, чтобы перемена мнения происходила так болезненно, как это произошло со мной”⁷⁷. Питт утверждал, что в сложившихся условиях настаивать на прежней позиции означало рисковать самим существованием правительства, а его замена привела бы к падению “нашей системы дома и за границей”. Премьер не скрывал, что конфликт породил и кризис внутри кабинета. Ввиду этого пришлось изменить тактику: сохранив прежнюю цель, вести дело без крайностей. Письмо заканчивалось следующим пассажем: “Моя задача в том, чтобы вы смогли удовлетворить короля Пруссии, убедив его в сильной необходимости (выделено в документе. – А.С.), под

влиянием которой мы и действовали, и что у нас не было иного выхода, чтобы учесть это интересы и интересы тех, с кем мы здесь связаны необходимостью консультироваться”⁷³.

Действительно, смена курса была встречена в Пруссии с некоторой обидой на союзника. 20 апреля в Берлин ушли подписанные новым государственным секретарем Гренвиллом инструкции, в которых изменения в британской политике объяснились давлением общественного мнения. Приказ о направлении в Ливонию 88-тысячной прусской армии Фридрих-Вильгельм II отдал еще 27 марта вслед за получением ultimatum, хотя вступлению в войну противился Герцберг. Когда поступили известия о смене британского курса, прусский король сначала не понял, что британский флот не попал на Балтику. Эварт сообщал о беседе с королем, рассуждавшем о новых условиях, предъявляемых Россией, и говорившем о предпочтении, которое он отдает более жесткой линии. Впрочем, Фридрих-Вильгельм соглашался, что окончательные подходы могут быть согласованы между министрами⁷⁴.

Хотя решающая перемена в позиции британского кабинета министров произошла в апреле, тем не менее оппозиция совсем не считала, что победа достигнута, и дискуссии в парламенте продолжались. 9 мая граф Фитцуильям предложил принять адрес королю против вступления в войну с Россией. Он ссылался на протесты, имевшие место в Манчестере, Норвиче, Йоркшире и других районах страны, подчеркивал важность торговли с Россией и говорил о больших потерях, которые Англия понесет в случае воины с ней⁷⁵. Государственный секретарь лорд Гренвилл отвергал необходимость принятия подобного адреса. Он намекал, что во время идущих переговоров война вряд ли возможна, хотя по дипломатическим соображениям и не мог говорить об этом в деталях. Лорд Роудон считал действия министров в высшей степени “аполитичными” и подчеркивал, что они продолжают подготовку к несправедливой войне и при этом не приносят ни одного аргумента в защиту своей политики. Он сравнивал британских министров с Людовиком XIV, вызывавшим негодование всей Европы. Оратор полагал, что Очаков будет иметь для России исключительно оборонительное значение. По мнению же лорда Малгрейва, сравнение с Людовиком XIV было несправедливым, а Польша вполне смогла бы заменить Россию в качестве торгового партнера⁷⁶. Итак, мнения ораторов расходились. Большинством в 67 голосов палата лордов отвергла предложение Фитцуильяма.

В ходе дебатов в палате общин с большой речью выступил лидер оппозиции Фокс. Критикуя правительство, он спрашивал, имея в виду депутатов, поддерживавших кабинет: “Как они отсыгают своим избирателям расходы, на которые их обрекают? Что они отвечают, если их спросят, для чего они вооружаются? Скажут ли они, что делают это, чтобы достичь мира между Россией и Турцией? Или они честно скажут, что это делается для того, чтобы передать Пруссии Данциг и Торунь – два города, свободу и независимость которых они открыто гарантировали? Или они скажут, что вооружаются для того, чтобы настоять на возвращении Очакова Турции? Будет чем-то новым для англичан узнать, что их министры вмешиваются в переговоры иностранных держав и ссорят их друг с другом, вместо того, чтобы примирять, выступают в Европе не как арбитры, а как позорные зидеры”⁷⁷. Предложение оппозиции не набрало большинства голосов. Вместе с тем продолжавшиеся в мае парламентские дискуссии показали, что правительство по-прежнему не может рассчитывать на твердое большинство, достаточное для объявления войны.

Как уже отмечалось, отправка в Петербург в качестве специального посланника Фауленера была символом смягчения политики Питта. В полученных посланником инструкциях отмечалось, что, если в российской столице вовсе откажутся обсуждать условия мира, Фауленер должен прервать свою миссию и покинуть Россию. При согласии на ведение переговоров предлагалось три варианта. Первый – спорная территория должна оставаться неселенной и стать нейтральным барьером между двумя странами; Второй – эти земли переходили к России, но при условии разрушения Очакова и ее отказа от постройки здесь новых крепостей. Суть третьего варианта своди-

лась к тому, что Россия готовы были уступить даже в вопросе о разрушении укреплений Очакова, но при смещении границ территории, переходящей к России. В инструкции также указывалось, что из трех вариантов более приемлемы первый и второй⁷⁸. Путь Фауленера в Россию проходил через Берлин, где он встретился с Фридрихом-Вильгельмом. Прусский монарх заявил, что посылка британского флота в Балтийское море – хорошая мера, особенно в случае угрозы Константинополю. Он обещал “не останавливаться в своих приготовлениях”. Что касается переговоров с Россией, то король высказался в поддержку третьего варианта, наименее приемлемого для Англии⁷⁹. Характерно, что в инструкциях Уитворту и Фауленеру от 25 мая говорилось, что, если прусский король поддержал этот вариант, его и следует придерживаться.

Фауленер прибыл в Петербург 25 мая. В донесении от 2 июня он описывает оказанный ему почтительный прием и аудиенцию у императрицы (“Не знаю, как передать величие приема и отличия, возданные мне”). Ему были показаны новые апартаменты во дворце, он сидел за обедом напротив Екатерины, а вечером на балу в честь вел. кн. Константина Павловича рядом с нею. Царица благожелательно расспрашивала о королевской семье. Разговор зашел о появившемся знаменитом памфлете Э. Берка “Рассуждения о революции во Франции”, и Екатерина выразила восхищение этой работой. Она говорила, что невозможно оставаться равнодушным к событиям, происходящим во Франции, и ее удивляло, что в Англии нашлись защитники Французской революции, в том числе Фокс. Императрица не говорила специально об англо-русских отношениях, но Фауленер упоминает о следующем эпизоде: когда ее маленькая собачка во время прогулки в саду обляяла мальчика, игравшего там, Екатерина успокоила ребенка и, обернувшись к посланнику, сказала: “Собака, которая лает, не всегда кусает”⁸⁰. И все же в дипломатических вопросах императрица оставалась непреклонна. Фауленер очень быстро понял это. Как пишет И. де Мадариага, “все попытки заставить Екатерину согласиться с тем, что занятый район должен оставаться нейтральным или не должен быть укреплен, были отвергнуты императрицей, не считавшей нужным чем-то жертвовать, чтобы тешить прусское или британское тщеславие”⁸¹.

Фауленер надеялся, что Россия все же гарантирует свободу навигации по Днестру, что соответствовало британским торговым интересам. Англичане были удовлетворены тем, что ответ за подписью Остермана по поводу возможных условий мира был составлен по крайней мере в вежливых тонах. В депеше от 18 июня Фауленер сообщал о своей встрече с Потемкиным, который “сказал мне, что он русский и любит свою страну, хотя любит также и Англию, что я островитянин, и следовательно, эгоистичен; он говорил о Франции пренебрежительно и заметил, что с этой нацией нельзя иметь дело и что он всегда был против каких-то связей с ней, что раньше он ненавидел, а теперь презирает ее. Он говорил о больших торговых проектах для нас, о том, что русские не способны к торговле и что он всегда придерживался мнения, что мы должны вести всю торговлю Российской империи, а следовательно, наш флаг должен развеваться над Каспийским и Черным морями”⁸². Завлекая англичан подобными проектами, Потемкин отнюдь не был склонен вступать с ними в переговоры об условиях мира с Турцией. В депеше от 1 июля Уитворт утверждал: “Представляется очевидным, что он не намеревается более обсуждать с нами это дело, и я совершенно уверен, что он совсем не желает нам в нем успеха”⁸³. Последние надежды на успех в посредничестве исчезли, когда в Петербург пришли известия о новых военных победах над турками. В донесении от 1 июля Фауленер объяснял провал в переговорах тем, что “все словно по заказу было против нас”⁸⁴. 5 июля Уитворт также пишет о провале, вызванном “обстоятельствами момента”⁸⁵.

15 июля пришло сообщение о взятии генералом Гудовичем Анапы и о продвижении русских войск на Кубань. Теперь Фауленер опасался, что русские могут отказать в обещанной ранее свободе навигации по Днестру. В депеше от 19 июля он сообщал о сильном впечатлении, произведенном в Петербурге известием о варенском кризисе во Франции. Вице-канцлер Остерман в беседе с Фауленером заявил, что теперь все разногласия между европейскими державами нужно отложить в сторону и согласовать об-

ний план действий. И все же, замечал посланик, "я вынужден сказать, что императрица настроена на продолжение турецкой войны в любых обстоятельствах"⁹¹. 26 июля в Петербурге британский и прусский министры заявили о формальном согласии на требование России о переходе под власть российской короны земель между Бугом и Днестром. На следующий день Фаулендер писал в Лондон, что это было сделано вовремя, ибо через два часа после принятия их ответа пришли новые вести о победах русского оружия, что могло позволить Екатерине пойти еще дальше в своих требованиях. Фаулендер считал, что Порте следует понять, что ее интересы не были преданы забвению; если бы не Англия и Пруссия, плата за мир была бы для нее гораздо более высокой⁹². Одной из причин неудачи миссии Фаулендера и он сам, и Уитворт считали действия оппозиции, приезжавшей в Россию собственного представителя Роберта Адаира, который был принят в Царском селе, многократно встречался с императрицей и способствовал сохранению твердости российской политики в очаковском вопросе. Окончательная формальная уступка требованиям России со стороны Пруссии и Великобритании по существу означала завершение очаковского кризиса. 24 июля Потемкин покинул Царское село, отправившись к театру военных действий, чтобы закрепить плоды военных и дипломатических побед заключением мира. В Петербург он больше не вернулся.

Как и ситуация вокруг вооруженного нейтралитета, очаковский кризис способствовал усилению негативных стереотипов в представлениях двух наций друг о друге. Не парижским ли, однако, что последними словами Екатерины II перед смертью были слова о союзе с Англией, сказанные секретарю: "Передайте князю Зубову, чтобы он привел ко мне в двенадцать часов и напомнил мне, что надо подписать договор о союзе с Англией"⁹³. В истории очаковского кризиса для исследователя англо-русских отношений остается доля неразгаданного. Ответ на вопрос о причинах его возникновения зависит от оценки общего хода развития отношений между двумя странами. Он связан с позицией каждого историка по поводу одной из извечных проблем – "Россия и Запад".

Примечания

- Славинская А. Англия и Россия в годы второй турецкой войны // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 28.
- A. Lloyd S. The Georgian Century 1714–1837. L., 1966. P. 358.
- Chamberlain M.E. "Pax Britannica" British Foreign Policy 1789–1914. L., 1988. P. 12.
- Ehrman J. The Younger Pitt. The Reluctant Transition. Stanford, 1983. P. 28.
- Evans H.J. The Forging of the Modern State. Early Industrial Britain. L., 1987. P. 30.
- Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII века) // История СССР. 1958. № 4. С. 73–74.
- Родина Г.А. Русский дипломат в Лондоне (Дипломатическая деятельность С.Р. Воронцова) // Россия в Европе. Политика и культура. М., 1995. С. 25.
- Hobhouse Ch. Fox, T. 1964. P. 185.
- Лукман Е. Op. cit. P. 20.
- R. 111. R. Pitt the Younger. L., 1978. P. 184.
- Fawcett D. Pitt the Younger. N.Y., 1974. P. 156–157.
- Black J. A System of Ambition? British Foreign Policy 1660–1793. L., 1991. P. 246.
- Schroeder P. The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford, 1994. P. 81.
- Фаулендер А.Г. Россия, Англия и Пруссия 1787–1791 гг. // Русский вестник. 1887. Октябрь–ноябрь.
- Беседа с А.Г. Фаулендером о истории англо-русского конфликта 1791 года // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1959. № 2. С. 103–104.
- Маркова О.П. Указ. соч. С. 71.
- Лукман Е. "Любезный мой питомец". Екатерина II и Г.А. Потемкин в годы второй русско-турецкой войны // Отечественная история. 1997. № 4.
- PRO. 30/8/133/2. P. 267.
- Schroeder P. Op. cit. P. 66.
- Federl F. Petersburg und Wien im 18 Jahrhundert. Inaugural Dissertation. Erlangen; Nürnberg, 1992. P. 245.
- PRO. FO. 65/18. P. 20–21.
- Ibid. FO. 78/11. P. 117.
- Ibid. FO. 65/19. P. 53.

⁹¹ Русский архив. 1876. Кн. I. С. 46.

⁹² PRO. 30/8/133/2. P. 264.

⁹³ Ibid. P. 282–283.

⁹⁴ Ibid. 30/8/132/2. P. 192.

⁹⁵ Ibid. 30/8/110/1. P. 179.

⁹⁶ Ibid. 65/20. P. 4–8.

⁹⁷ Ibid. P. 44.

⁹⁸ Русский архив. 1876. Кн. I. С. 46.

⁹⁹ Цит. по: Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1880. С. 193.

¹⁰⁰ PRO. FO. 65/20. P. 53–54.

¹⁰¹ Ibid. P. 55.

¹⁰² Ibid. 30/8/133/2. P. 288.

¹⁰³ Ibid. 64/20. P. 192.

¹⁰⁴ Ibid. 65/20. P. 84.

¹⁰⁵ Ibid. 64/20. P. 197.

¹⁰⁶ Ibid. P. 17.

¹⁰⁷ Русский архив. 1876. Кн. I. С. 47.

¹⁰⁸ PRO. FO. 64/20. P. 102.

¹⁰⁹ Ibid. 30/8/110/1. P. 183.

¹¹⁰ Ibid. 65/20. P. 58.

¹¹¹ Ibid. P. 121.

¹¹² Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 416.

¹¹³ Idem. Catherine the Great. A Short History. L., 1990. P. 167.

¹¹⁴ Цит. по: Елисеева О.Н. Указ. соч. С. 34; Alexander J.T. Catherine the Great. Life and Legend. Oxford, 1989. P. 286.

¹¹⁵ PRO. FO. 65/20. P. 82.

¹¹⁶ Alexander J.T. Op. cit. P. 286.

¹¹⁷ Сб. ИРИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 149–150.

¹¹⁸ Ehrman J. Op. cit. P. 20.

¹¹⁹ АВП РИ, ф. 35/6, д. 409, л. 46–46 об.

¹²⁰ Русский архив. 1876. Кн. I. С. 47.

¹²¹ Там же. С. 48–49.

¹²² Архив кн. Воронцова. Т. XII. М., 1877. С. 67–68.

¹²³ Сб. ИРИО. Т. 42. С. 150–151.

¹²⁴ PRO. FO. 78/12. D.

¹²⁵ Cobbett's Parliamentary History. V. XXIX. L., 1817. С. 34–43.

¹²⁶ Ibid. P. 40–52.

¹²⁷ Ibid. P. 54.

¹²⁸ Ibid. P. 55–61.

¹²⁹ АВП РИ, ф. 35/6, д. 420, л. 9 об.–10.

¹³⁰ Cobbett's Parliamentary History. V. XXIX. P. 62–67.

¹³¹ Hobhouse Ch. Op. cit. P. 186.

¹³² Cobbett's Parliamentary History. V. XXIX. P. 70–75.

¹³³ Ibid. P. 75–79.

¹³⁴ Ehrman J. Op. cit. P. 22.

¹³⁵ Русский архив. 1876. Кн. I. С. 48.

¹³⁶ Ehrman J. Op. cit. P. 22.

¹³⁷ Русский архив. 1876. Кн. I. С. 47–48.

¹³⁸ PRO. FO. 65/21. P. 4.

¹³⁹ Кросс Э. На темзских берегах. СПб., 1996. С. 40.

¹⁴⁰ Serious Enquiries into the Motives and Consequences of Our Present Armament against Russia. L., 1791. P. 12–13.

¹⁴¹ Ibid. P. 55–56.

¹⁴² Русский архив. 1876. Кн. I. С. 49.

¹⁴³ PRO. 30/8/151/1. P. 47.

¹⁴⁴ Ibid. P. 128–129.

¹⁴⁵ Ibid. P. 132.

¹⁴⁶ Ibid. FO. 64/21. P. 26.

- ⁷⁷ Cobbett's Parliamentary History, V, XXIX, C. 434–435.
- ⁷⁸ Ibid. P. 437–439.
- ⁷⁹ Ibid. P. 630.
- ⁸⁰ PRO, FO, 65/20, P. 150–150 A.
- ⁸¹ Ibid. 65/20, P. 14–15.
- ⁸² Ibid. P. 71–73.
- ⁸³ Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. P. 422–423.
- ⁸⁴ PRO, FO, 65/21, P. 114.
- ⁸⁵ Ibid. P. 138.
- ⁸⁶ Ibid. P. 146.
- ⁸⁷ Ibid. P. 153.
- ⁸⁸ Ibid. 65/22, P. 28.
- ⁸⁹ Ibid. P. 41.
- ⁹⁰ Вопросы истории, 1989, № 1, С. 19.